

• Патопатов Д.А. Гражданское общество в республике Беларусь: социокультурные основания институционализации. // Проблемы совершенствования политической системы Беларуси на рубеже XX-XXI веков: Материалы научно-практической конференции 6-7 июня 2001 / Брестский государственный технический университет. – Брест, 2001. – С. 21- 24.

• Раздерищенко В.Н. Роль государства в формировании материального стимулирования труда на предприятиях. // Проблемы совершенствования политической системы Беларуси на рубеже XX-XXI веков: Материалы научно-практической конференции 6-7 июня 2001 / Брестский государственный технический университет. – Брест, 2001. – С. 21- 24.

• Balcerowicz Leszek. Socialism, Capitalism, Transformation. – Warszawa, 1995.

• Frydman Roman, Murphy Kenneth, Rapaczynski Andrzej. Capitalism With a Comrade's Face. // Transition. – 26 January 1996.

• North Douglass C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge, 1990.

• Weber Max. The National State and Economic Policy. // Economic and Society. – November 198. – Volume 9. – Number 4.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

Лапина И.А.

Академия управления при Президенте РБ, г. Минск, Беларусь

Ознакомление с преступлением зачастую происходит постфактум. Это одинаково верно и для работника правоохранительных органов, призванного защищать общество и его членов от преступных посягательств, и для исследователя, независимо от преследуемых им научно-практических целей. Система преступления статически закрепляется во всевозможных отображениях, образуемых в результате взаимодействия участников события с окружающим миром, поскольку каждое преступление совершается в конкретных пространственно-временных рамках. Особенно значимым является в данном случае свойство преступления отражаться в окружающей среде и испытывать обратное воздействие окружающей действительности. Событие преступления материализуется в следах, приводя в действие различные механизмы следообразования, ведущие к изменениям внешних условий.

Механизм следообразования существенно влияет на объём криминалистической информации, источники которой формируются в процессе преступной деятельности. Особую роль в нем играет фактор времени. Во-первых, как условие взаимодействия отражаемой и отражающей систем; во-вторых, как одна из характеристик полученного отображения. В первом случае качественные и количественные показатели следов позволяют судить о преднамеренности или случайности совершенного преступления, об ориентировке преступника в окружающей среде, о степени его знакомства с потерпевшим. Например, в темное время суток, плохо зная обстановку, трудно совершить тайное похищение имущества, что приводит к хаотичному расположению следов (отпечатков пальцев, в частности) в доме потерпевшего. Не зная точного маршрута движения и внешности жертвы, сложно отличить её в толпе людей под покровом темноты – для этого надо быть хорошо с ней знакомым. Зная такой важ-

ный параметр как «возраст» следа («возраст» чернил на документе, например) можно сделать предположение о его подлинности, либо, наоборот, подложности.

Характер следа, кроме того, определяется типом взаимодействия, которое может быть простым и сложным, непосредственным (контактным) и опосредованным (бесконтактным). При механическом взаимодействии – это остаточная деформация в виде объемных следов, перераспределение в виде объемных и поверхностных следов, разрушение в виде пробоин, проколов, разделение в виде частей объектов; при биологическом (генетическом, физиологическом) – фенотип, остаточные вещества ссадины и др.; при психическом – образ; при социальном – структура личности.

Наряду с изучением отражений преступления в целом, криминалистикой изучается и отражение каждого элемента его структуры. На этом этапе происходят проявления в процессе функционирования и взаимодействия с другими системами. При анализе следов взаимодействия объектов материального мира изучаются механизмы следообразования, особенности следообразующего объекта, возможности его идентификации. При исследовании отражений человеческой деятельности можно определить физиологические свойства, профессиональные навыки субъекта, что расширяет возможности его идентификации.

В настоящее время круг отражений, с которыми приходится сталкиваться в процессе расследования, значительно расширился. Это связано, во-первых, с появлением и использованием (не только в преступной деятельности, но и, прежде всего, в обществе в целом) новых научно-производственных технологий; а, во-вторых, с развитием и усложнением познавательных процессов в результате одноименных изменений в социальной реальности, «субъект – объектных» отношениях.

Как следствие подобных явлений, в криминалистике стали появляться новые специальные разделы. В свое время так сформировалась хелиоскопия – раздел, в котором исследуются возможности идентификации человека по следам губ. Результаты трехлетних исследований японских ученых, итогом которых стал вывод об индивидуальности и неизменности кожного рельефа поверхности губ, были впервые опубликованы в 1974 году [4, с. 233 – 248], хотя успешная попытка идентификации человека по следам губ была предпринята в 1961 году в Венгрии при обнаружении на месте убийства хорошо сохранившегося отпечатка на застекленных дверях [3, с. 543 – 546].

Одним из новейших направлений, которое может быть использовано в работе со следами, является имплантоскопия [2, с. 185]. Подобной практики пока нет, но возможности использования результатов исследования имплантатов для идентификации человека очевидны. Это связано с ростом их применения в хирургии и особенностями самих имплантатов. Они используются в качестве фрагментов кости в ортопедии, челюстно-лицевой хирургии, стоматологии и, как правило, изготовлены из металла. Помимо характерных особенностей, полученных при изготовлении, имплантаты содержат надписи, которые при правильном прочтении могут оказать существенную помощь при идентификации трупа, либо, с использованием рентгенографии, идентификации живого лица.

Круг материальных объектов, которые могут стать источником криминалистически значимой информации, и их классификация были усложнены и дополнены документами, свидетельствующими о преступлении (черновые записи и долговые обязательства, отражающие криминальное движение денежных средств и иных ценностей; поддельные банковские документы; двойные накладные; расписки о незаконном отпуске товаров и других материальных ценностей; поддельные рецепты на получение наркотикосодержащих лекарственных средств; бланки строгой отчетно-

сти) и следами-предметами, оставленными, забытыми или утерянными преступниками на месте происшествия.

Однако деятельность человека – это не только физические действия с предметами, она наделена еще и социально-психологическим содержанием. Человеческая способность к рефлексии приводит к более сложным изменениям в окружающей действительности, чем материальные результаты отражения события преступления на предметах. Чувственное и рациональное восприятие окружающей действительности, свойственные человеческому сознанию, позволяют анализировать происходящее и, как следствие, получать информацию, которая может иметь значение для расследования преступления, если воспринятое событие – преступное деяние либо его элементы.

Вместе с этим, изучение подобных отражений свойственно криминалистике лишь отчасти и является предметом исследования других наук (психологии, этики, криминологии, социологии). Вопрос применения метода криминалистической идентификации в работе с интеллектуальными запечатлениями образов объектов долгое время являлся спорным. Такое широкое понимание идентификации считалось неоправданным во всех случаях, кроме экспертного установления тождества средствами криминалистической техники по материальным отображениям, т.к. ее объектами признавались лишь вещественные, материальные объекты. Однако практика расследования убедительно доказала, что нельзя не включать в круг объектов идентификации идеальные образы-отображения.

Если принимать во внимание исключительно психофизиологические особенности личности, то вполне справедливо привлекать для оценки тех или иных обстоятельств дела или идентификации лица специалиста-эксперта, но «установление тождества или отсутствия тождества как времени, на которое делается ссылка (проверка алиби), так и мотива, который указывается обвиняемым, обычно не требует обращения к экспертизе, и ответы на эти вопросы следователь находит сам, сопоставляя различные обстоятельства дела». В подобной ситуации необходимо правильно оценить информацию, переданную другим лицом следователю, а также информацию, почерпнутую самим следователем из изменившейся социальной обстановки. Субъективность таких оценок и позволяет некоторым ученым-криминалистам концентрировать внимание лишь на материальных отображениях, указывая на несостоятельность и информационную незначительность идеальных следов.

При оценке идеальных отображений необходим анализ не только самих фактов, переданных конкретным лицом в устной или письменной форме, но и личности самого субъекта. Критериями анализа в данном случае не могут быть только биологические показатели, но должны быть и социальные характеристики, так как человек – не только биологическое существо, но и активный участник социума. Его деятельность, как законная, так и противоправная, не только отражается на материальных объектах и их связях, в идеальных образах и ассоциациях, но и находит свое отображение в общественных связях и отношениях, в социальной обстановке, являясь результатом многоступенчатой рефлексии действующего субъекта над самим собой и действиями других. Эти отражения по своей природе – социальные. В расследовании преступления в первую очередь было обращено внимание на такие отображения в связи с необходимостью работы с документами.

Системы документов, как одна из групп социальных отражений, характеризуются наибольшей информативностью и, следовательно, полезностью для следствия. В качестве источников таких сведений могут быть использованы как материалы уголовных дел, дел административного производства, так называемые «отказные» материалы, книги учета и журналы заявок системы МВД, так и журналы регистрации

вызовов «Скорой помощи», журналы приемных покоев больниц и т.д. Почерпнутая из них информация, не имея доказательственного значения, может быть полезна при розыске преступника и выдвигании следственных версий (позволит, например, сделать предположение о личности преступника на основании схожести определенных элементов содеянного).

Однако, считая социальными отражениями лишь системы документов, можно сделать ошибочный вывод о чрезвычайной и единственной значимости формальной, «бумажной», стороны человеческой жизни, в то время как социальное взаимодействие имеет массу проявлений, самых различных по содержанию и качеству. Документирование же является лишь одним из таких проявлений, кроме этого социальное взаимодействие включает в себя многочисленные формы вербальной и невербальной коммуникации. Невербальная коммуникация, включающая в себя мимику и жесты, должна быть оценена не только и не столько с позиции психологических закономерностей, но и влияния социального фактора, который в настоящее время становится более значимым, чем врожденные и приобретенные личностные характеристики.

Изучение внешнего облика человека, его анатомических и функциональных признаков, делается в рамках особого раздела криминалистической техники – габитоскопии, результаты которого используются в процессе изобличения преступника. При этом наблюдается акцентирование на психологическом и даже медицинском аспекте проблемы. С одной стороны, это вполне оправданно, так как, например, гримаса младенцев при ощущении кислого вкуса такая же, как гримаса отвращения у взрослых (поджимание губ и нахмуривание) [1, с. 19]. Тем не менее, отнести эти вопросы исключительно к ведению психологии, а, когда дело касается расследования преступления; юридической психологии, нельзя, поскольку сложные социальные отношения, как между конкретными индивидами, так и между отдельным индивидом (группой) и обществом, приводят к необходимости рефлексии и, следовательно, самооценке индивида. Он должен, прежде всего, посмотреть на себя со стороны и, соотнеся свой социальный статус и конкретную жизненную ситуацию, выбрать для себя определенную схему действий, соответствующую социальным поведенческим стереотипам при «исполнении» определенной социальной роли. Именно сообразность самостоятельно выбранной или навязанной извне, но принятой на себя социальной роли в современном мире, заставляет человека вести себя определенным образом, а уже потом на это накладываются психологические и физиологические особенности личности.

Следователь, подозреваемый, потерпевший, защитник, свидетель – это не только статус участника уголовного процесса, но и социальная роль. Принимая на себя ту или иную из них, человек соотносит свои действия, в соответствии с этой ролью. Это обстоятельство может как положительно, так и отрицательно сказываться на ходе расследования. С одной стороны, представления об искренности и открытости, как о должном поведении, например, в роли потерпевшего, может прояснить массу спорных и неясных моментов происшедшего, с другой стороны обратное поведение, особенно если роль принята сознательно, чтобы скрыть свою вину, либо другие неблагоприятные обстоятельства, может привести к негативным последствиям. При этом особенно важной становится оценка следователем сообразности поведения человека и его социальной роли, а также анализ таких источников социальной информации, как формы вербальной и невербальной коммуникации.

В настоящее время, с повышением информационного прессинга и манипулирования сознанием с помощью современных информационных технологий в обыденной жизни, можно утверждать, что люди большую часть времени сохраняют строгий и постоянный контроль за выражением лица, позой и жестами при взаимодействии с

другими. Сравнивая модель поведения в определенной социальной роли с конкретными поведенческими реакциями, в соответствии со своим внутренним убеждением и жизненным опытом, следовательно может сделать вывод об искренности или неискренности человека, причастности или непричастности к случившемуся, ложности алиби и других обстоятельствах.

Доказательственная нагрузка таких наблюдений практически отсутствует, но они могут указать направление поисков доказательств. Проанализировав обычный распорядок дня человека, повседневную жизнь и интересы, можно сделать вывод о соответствии его поведения определенной социальной роли, причем чрезмерность этого соответствия, иногда даже в большей степени может свидетельствовать о неискренности человека, чем поведенческие реакции, несоответствующие общепринятой модели, но, возможно, отражающие личностные особенности. Эти знания играют важную роль в планировании расследования преступлений и профилактической деятельности, а в обобщенном виде могут быть положены в основу программ борьбы с преступностью на разных уровнях.

1. Ekman P., Friesen W.V. Constants across culture in the face and emotion. // Journal of Personality and Social Psychology, № 17. — 1971 — P. 17 — 23.
2. Hanausek T. Kryminalistyka: Zarys wyklady. — Kraków, 2000. — 282 s.
3. Holyst B. Kryminalistyka. — Warszawa, 2000. — 1241 s.
4. Tsachihashi Y. Studies on personal identification by means of lip prints. // Forensic Science, №3. — 1974. — p. 233 — 248.

АНОМИЯ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Кавецкий С. Т.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Теорию аномии (от франц. *anomie* — буквально беззаконие, безнормность) ввел Э. Дюркгейм как часть своей историко-эволюционной концепции, опирающейся на противопоставление традиционного и современного промышленного общества. В своих работах «О разделении общественного труда» (1893), «Самоубийство» (1897) он отмечал, что аномия характеризуется дезориентацией общества, все сферы которого (экономическая, социально-политическая, духовная) находятся в кризисном состоянии. Аномия сопутствует переходному состоянию общества, а конкретно, переходу от традиционного к индустриальному (в марксистском понимании от феодализма к капитализму) обществу. По Дюркгейму традиционное общество более замкнутое и, соответственно, более устойчивое. С другой стороны, эволюция, как и социальная революция, ведущая к промышленному обществу, ставит многих индивидов в неопределенное социальное положение в смысле отсутствия твердых жизненных целей, норм и образов поведения.

Теория Эмиля Дюркгейма получила развитие в исследованиях И. Ламбла, Р. Дарендорфа, Р. Мертон и др. Американский социолог И. Ламбл считал аномию источником беспорядков, смуты и неуверенности. Немецкий социолог и политический деятель Р. Дарендорф подчеркивал, что аномия распространяется на все слои общества сверху донизу, по горизонтали и вертикали.

По Мертону, аномия — результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предпи-